

И хотя могу понять
Думы тайные твои,
Но не в силах больше я
Молча оставаться здесь.
Много, много тысяч раз
Думала пойти я в путь
За тобою, милый мой,
Но ведь тело у меня
Слабой женщины, увы!
Потому бессильна я...
Спросят стражи на пути,
Будут мне чинить допрос,
Я не знаю, что сказать
И какой держать ответ,
Отчего, собравшись в путь,
Медлю я идти к тебе...

*Каса Канамура,
японский поэт седьмого века*

Она еще раз посмотрела в сторону светившегося окна. Сквозь легкие занавески отчетливо просматривались две мужские фигуры. Один мужчина был гораздо выше другого. Это и был как раз тот самый нужный ей человек. Уверенным, отработанным движением она подняла снайперскую винтовку. Главное в таких случаях — не торопиться. Опыт приходит с годами, и она вдруг подумала, что может считать себя опытным киллером. Этим ремеслом она занималась уже более двух лет. Мужчина подошел к окну, словно по ее заказу, и безмятежно встал около него. Очевидно, он ни о чем не подозревал. Значит, смерть будет для него неожиданной и легкой.

Женщина закрыла глаза. Она никогда не молилась в таких случаях, считая богохульством просить у Бога помощи в исполнении смертного приговора. Нет, она молилась потом, уже позже, искренне обращаясь к Богу и каждый раз прося у него кары только для себя. Только для себя, истово твердила она, пытаюсь хотя бы таким способом обмануть судьбу и подставить под ее разящий удар лишь собственную жизнь. Но Бог не отвечал ей. То ли он молчаливо соглашался с этими приговорами, понимая, что она берет на себя некую санитарную функцию по уничтожению хищников. То ли просто выжидал, наблюдая, когда именно можно будет вмешаться. То ли его вообще не существовало, и она сама была и безжалостным палачом, и собственным судьей в одном лице. Она это не могла знать. Но подсознательно чувство вины всегда давило на нее, не отпуская с самого первого момента, с самого первого шага.

Она прицелилась, уже зная, что наверняка попадет с первого же выстрела. Правда, она всегда стреляла дважды. Это был ее своеобразный фирменный знак. Она успевала выстрелить в уже падающее тело второй раз и потом с удовлетворением читала в газетах, что вторая

пуля входила в тело уже убитого человека. Но второй выстрел был нужен как контрольный. При этом первая пуля вонзалась в сердце, а вторая в голову, что обеспечивало идеальное выполнение любого заказа. Как много времени прошло с тех пор, как она научилась вообще выговаривать это слово — «заказ». Во всем мире подобные действия назывались убийством. И она поначалу так и называла все свои «упражнения» с винтовкой, отчетливо сознавая, что является убийцей. Но постепенно, со временем, четкое выполнение поручений стало для нее нормой, и она уже не комплексовала при слове «заказ», считая его таким же естественным, словно ей заказывали пиццу или место в парикмахерской.

За спиной послышался шорох, и она чуть повернула голову. Это бродила кошка, неизвестно каким образом оказавшаяся на этой стройке. Она встала рядом, чуть изогнув спину, готовая спастись бегством в случае малейшей опасности. Очевидно, это была ее территория, и она совсем не радовалась незваной гостье. Женщина улыбнулась животному. Их взгляды встретились. У обеих были немного напряженные, испуганные глаза. Она всегда волновалась перед выстрелом. Как тогда,

в первый раз. Она снова прицелилась. Теперь нужно стрелять.

И в этот момент она снова услышала шорох за спиной...

Он возвращался домой в подавленном настроении. Хотя определение «подавленное» здесь не вполне уместно. На самом деле он ощущал себя совершенно опустошенным. Горечь от страшного известия уже успела осесть в мозгу, пробившись сквозь все его переживания, и в душе оставалась лишь гулкая пустота да теплившееся где-то в ее уголке щемящее чувство тревоги.

Оставив автомобиль во дворе, рядом с подъездом, он подошел к дому и привычно набрал цифры кода. В последние дни входная дверь в подъезд иногда плохо срабатывала: то ли бабахнул замок, не фиксирующий все цифры, то ли ослабли пружины в кодовом устройстве, но иногда цифры приходилось набирать по нескольку раз. Обычно это его ужасно раздражало. Но сегодня он покорно набрал цифры второй раз, не чувствуя ничего, кроме усталости. И когда дверь снова не открылась, терпеливо набрал код в третий раз, после чего замок наконец сработал и он вошел в подъезд. На

пятом этаже лифт бесшумно замер, и он пошел к своей двери. Подняв руку, уже хотел позвонить, но непонятная сила удержала его. Он тяжело вздохнул, повернулся, сделал несколько шагов, сел на лестницу и, вынув сигареты, закурил. Так он сидел на ступеньках и курил одну сигарету за другой. Потом услышал шаги внизу — это поднимался кто-то из соседей. Потушив последнюю сигарету, он мрачно смотрел на пожилого соседа с шестого этажа, всегда предпочитавшего подниматься наверх пешком, не пользуясь лифтом. Сосед где-то прочел, что подобные физические нагрузки очень полезны, и теперь ходил на свой этаж только пешком. Замедлив шаги, он с удивлением посмотрел на своего соседа, стоявшего у двери, заметил несколько окурков на ступеньках.

— Добрый вечер, Юрий Алексеевич, — вежливо поздоровался сосед, не скрывая своего изумления.

— Добрый вечер. — Теперь ему ничего не оставалось, как позвонить в дверь. И он, чувствуя на своем затылке удивленный взгляд пожилого соседа, нажал на кнопку. Дверь открылась почти сразу, словно жена ждала его

звонка. Он вошел в квартиру и быстро закрыл за собой дверь.

— Здравствуй, — сказала жена, испытующе глядя ему в глаза.

— Здравствуй. — Он заставил себя улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

В холл выбежал сын, застегивая на ходу куртку.

— Здорово, — крикнул он на ходу, — я побежал. Меня уже ребята ждут.

— Когда ты вернешься? — повернулась к нему мать.

— Через два часа. Ну, мама, ты же все знаешь. Нас развезет по домам тренер, как обычно. Пока.

Он выбежал из квартиры, хлопнув дверью. Жена опять посмотрела на Юрия. Заметила, что он все еще стоит, не сняв плаща, но ничего ему не сказала, а повернулась и прошла в гостиную. Он долго раздевался, поправлял волосы, затем зашел в ванную. В квартире имелись две ванные комнаты. Одна у входа — для гостей и вторая, большая, рядом с их спальней. Он всегда пользовался большой, но на этот раз помыл руки в той, что у входа. Она удивилась, что он изменил своей привычке, но опять ничего не стала спрашивать.

И лишь когда он вошел в гостиную и устало опустил в кресло, она наконец позволила себе задать вопрос:

— Ты будешь ужинать?

— Нет.

Она помолчала. Обычно жена может понять настроение мужа по его ответам. Хорошая жена чувствует это по выражению его лица. Очень хорошая может уловить настроение супруга, даже находясь в другой комнате. По звуку его шагов, по его голосу, по его движениям. Его супруга относилась именно к последней категории. Но именно поэтому она не стала добивать его прямым вопросом. Просто спросила:

— Все так серьезно?

— Да. — Он не хотел лгать. А сегодня просто необходим был человек, которому он мог бы сказать правду.

— Все очень плохо, — признался он, — все кончено.

Она под села к нему. Они были красивой парой, на них часто оборачивались на улице. Он был высокого роста, широкоплечий, бывший волейболист, правда, не завоевавший особых призов, но успевший получить звание мастера спорта. Ему было тридцать восемь лет. Четкие, правильные черты лица, светлые волосы,

голубые глаза. Он до сих пор нравился женщинам. Она тоже была в прошлом спортсменкой и занималась биатлоном. Только в отличие от него добилась куда больших успехов, сумев несколько раз стать чемпионкой страны и даже отличиться в эстафетной гонке на чемпионате мира, когда их команда одержала победу. Но это было давно, в другой жизни. Ей предрекали большое будущее, но, когда она вернулась с чемпионата мира, все внезапно оборвалось.

В тот роковой день они отмечали ее победу в загородном ресторане, и Юрий выпил довольно много, хотя знал, что ему придется вести машину. В результате он не удержал автомобиль на скользкой дороге, врезался в столб, и она попала в больницу с переломами обеих ног и шейки бедра. Ей было двадцать четыре года. Врачи сделали все, что смогли. Они поставили ее на ноги. Но о чемпионатах и о выступлениях она должна была забыть навсегда. К тому же вскоре у них родился сын. С тех пор она сидела дома, благо муж сумел обеспечить им вполне достойный уровень жизни. После той аварии прошло около двенадцати лет, но Юрий до сих пор испытывал острую вину за ту злополучную аварию. Наверно, так и было на

самом деле, но она за все эти годы ни разу не позволила себе упрекнуть его.

— Что случилось, Юра? — спросила она, устроившись рядом с ним.

— Меня уволили, — вздохнул он, — все кончено. Они закрывают банк. Сегодня меня пригласил Вадим Александрович. Ты же знаешь, как он ко мне относится. Вот он первым мне и объявил об этом. Банк закрывают через две недели, но уже с сегодняшнего дня они начали сокращение штатов.

— Он что-нибудь обещал?

— Что он может обещать? — горько спросил Юрий. — В банке долгов на сто сорок миллионов долларов. Хорошо еще, если шефа не посадят. Прокуратура уже начала проверку. Говорят, что Вадим Александрович хотел уехать за рубеж, но ему не разрешили покидать страну до окончательного завершения дела.

— Меня не волнуют его проблемы, — ровным голосом сообщила жена. — Я хотела бы знать, что будет с нами.

— Ничего не будет, — вздохнул Юрий, — нужно искать работу. Ничего, найду что-нибудь другое. Посмотрим, сейчас везде нужны специалисты.

Она удержалась от комментариев. Юра закончил строительный институт и до начала девяностых годов был обычным чиновником в министерстве, пока не осознал необходимости резкой смены сферы своей деятельности. Вадим Александрович был другом его отца, он и предложил Юрию работу в его компании, которая была зарегистрирована еще в бывшем Советском Союзе. Строительный бум, начавшийся в столице в начале девяностых, позволил компании не только получать небывалые доходы, но и преобразовать ее позднее в крупный банк, занимавшийся вопросами выдачи ссуд на строительство.

Юрий был известен в банке как человек близкий к Вадиму Александровичу. К середине девяностых он получал уже довольно солидную зарплату и очень неплохие дивиденды от денег, вложенных в этот же банк. Но все когда-нибудь должно было кончиться.

Строительный бум постепенно начал угасать. Новые дома, понастроенные повсюду в огромных количествах, никому не были нужны. Цены на квартиры давно зашкаливали за все мыслимые пределы и превышали разумные цены. Для большинства нормальных людей квартиры были не по карману.

К тому же выяснилось, что новые дома построены с большими недостатками, а когда рухнул один из них, разразился настоящий кризис. Многие не хотели переезжать в эти дома, цены стремительно пошли вниз, и в результате ряд строительных компаний и связанных с ними банков стали разоряться. Что, собственно, случилось и с банком, в котором работал Юрий.

— Конечно, найдешь, — с воодушевлением подхватила жена, — ты у меня такой умный.

Он с подозрением посмотрел на нее. Ему не понравилось ее воодушевление.

— Думаешь, не найду? — спросил он. — Думаешь, меня там только из-за Вадима Александровича держали?

— Ничего я не думаю, — вздохнула она, — я в тебя верю. Ты у нас всего добьешься.

Она взяла пульт управления и включила телевизор. На экране появились смеющиеся люди. Шла какая-то непонятная передача, причем больше всех смеялся и веселился сам ведущий, не замечая мрачных лиц сидевших вокруг него людей. Он, похоже, получал удовольствие от самого себя и даже не думал о зрителях.

— Сколько у нас денег? — внезапно спросил Юрий.

— Ты же знаешь, — неуверенно ответила она, — на счету у нас около восьмидесяти тысяч. И дома тысяч пятнадцать или шестнадцать.

— Про счет забудь, — нахмурился Юрий, — деньги придется внести за кредит, который мы взяли на строительство дачи. Да еще остались должны около ста двадцати тысяч. Это проклятая дача съела все наши сбережения.

Они строили дачу в элитном поселке, где их соседями были весьма известные банкиры и политики. Дача обошлась почти в полмиллиона долларов. На нее ушли почти все их деньги, накопленные за последние несколько лет успешной работы Юрия в банке. Дача была еще не достроена, но кредит нужно было возвращать.

— Можно будет продать дачу, — рассудительно сказала жена.

— Катя, ты с ума сошла! — повернулся к ней муж. — Как это продать? Ты же знаешь, каких трудов мне стоило выбить там участок.

— Где мы возьмем деньги? — спросила Катя. — Ты же говоришь, что нам нужно вернуть кредит.

— Разберемся, — махнул рукой Юрий. Она отчетливо услышала в его голосе не очень уверенные нотки.

— Да, — согласилась она, — конечно, разберемся. Ты, главное, не волнуйся. Все у нас будет в порядке.

Она встала и вышла из комнаты. Через пять минут он вошел в кухню и встал у порога.

— Катя, — позвал он жену, — Катя!

— Что? — обернулась она к нему.

— Сколько мы тратим в месяц?

— Тысячи две-три. Ну, это необязательно — тратить столько. Можно сократить все траты наполовину.

— Да, — мрачно сказал он, — наполовину.

Юрий прошел в спальню и долго стоял у зеркала, словно пытаясь найти в своем лице какие-то новые черты. Потом, подумав немного, решил не переодеваться в спортивный костюм, в котором обычно ходил дома, а, махнув рукой, прошел в гостиную и опять устало сел в кресло. Вскоре туда же пришла и Катя.

Она была младше его на три года, но все еще сохранила стройную спортивную фигуру, привычную короткую прическу спортсменки. Ее лицо немного портил тяжелый подбородок и слегка вздернутый нос, но она была по-своему приятной женщиной. Особенно выделялись ее большие миндалевидные глаза. Очевидно,

среди ее предков были и представители азиатских народов, недаром ее мать была родом из Бурятии.

Она снова села рядом с ним, словно чувствуя, что именно сейчас она нужна ему более всего. Он мягко сжал ее руку.

— Я боюсь, — вдруг признался он.

— Ничего. — Она ответно сжала ему руку. — Ничего, — повторила она, понимая его состояние. — Как-нибудь выкрутимся. У нас ведь все нормально. Одна наша дача стоит несколько сотен тысяч долларов. Квартира у нас большая. В крайнем случае будем сдавать квартиру, как моя сестра. Все равно можно будет жить нормально. Ни о чем не думай. И кредит вернем, и все будет как нужно.

— Да, — уныло согласился он, — как-нибудь устроимся.

Он даже не предполагал, как тяжело было ей. Она знала своего супруга гораздо лучше, чем он знал сам себя. И отчетливо понимала, что отныне, именно с этого дня, их нормальная жизнь кончилась. Никто и никогда больше не возьмет Юрия на столь высокооплачиваемую работу. Более того, никто не позволит человеку со столь средними способностями работать в своей компании. Все было кончено. С этого